

С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОФЕССОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЗЕРКАЛЕ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СО СТУДЕНЧЕСТВОМ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

На материалах архивной документации, периодической печати и источников личного происхождения рассматривается корреляция между коллективными установками в корпорации дореволюционной русской профессуры и модулем взаимоотношений со студентами на примере истории Императорского Томского университета. Анализируются благотворительная деятельность томских профессоров в пользу студентов, прежде всего через Общество вспомоществования учащимся; внеуниверситетские контакты с учащимися; их поведенческие стили в конфликтных ситуациях. Делается вывод, что в рассматриваемый период существовала неформальная этика взаимоотношений ментора и ученика в пространстве университета, противопоставленная системному кодексу и во многом определявшая коллективную психологию профессуры.

Ключевые слова: профессора; студенты; коллективный портрет; история повседневности; Императорский Томский университет; этика взаимоотношений.

История дореволюционных российских корпораций профессуры и студенчества занимает заметное место в современной историографии. Именно в ней мы нередко обнаруживаем концентрированные болевые точки общества того периода. Не случайно то, что внимание на себя обращают комбинированные аспекты взаимоотношений учащихся и учащихся, ведь изолированное рассмотрение двух этих социальных категорий затеняет отдельные стороны их корпоративного развития и создает риск больше потерять, чем приобрести.

История российского студенчества в преломлении отношений с профессорами и преподавателями, прежде всего на материале двух столиц Российской империи, рассмотрена в работах А.Е. Иванова, в первую очередь – книге «Мир российского студенчества» [1], а также Е.А. Ростовцева [2]. В контексте общественного движения и культурной жизни Сибири эта тема была затронута в работах О.В. Ищенко [3, 4]. Заслуживает интереса и проблемное препарирование взаимоотношений профессуры и студенчества сквозь призму профессорского гонорара и конфликтного напряжения. Подобный подход представлен в статьях М.В. Грибовского [5, 6] и т.д.

Придерживаясь последней исследовательской стратегии, обратимся к социальному портретированию корпорации дореволюционной русской профессуры. С нашей точки зрения, подобный портрет невозможен без специального изучения ее взаимодействия со студенчеством. Это позволит актуализировать проблему неформального базиса в академическом сообществе, избрав в качестве цели реконструкцию механизмов, в соответствии с которыми выстраивались коллективные отношения ментора и ученика в пространстве университета. Мы предлагаем рассмотреть данную проблему на примере Императорского Томского университета (ИТУ), учреждение которого в 1878 г. положило начало первому научно-образовательному центру в азиатской части России.

Открытый в 1888 г. в составе одного медицинского факультета ИТУ начал свою учебно-научную деятельность, руководствуясь Университетским уставом

1884 г. (для ИТУ был утвержден собственный устав, составленный в соответствии с положениями общеимперского устава). Напомним, что его положения создали для академических кругов незнакомую до того практику выплаты студентами за слушание лекций гонораров профессорам и преподавателям сверх штатного, казенного жалования. Еще современники неоднозначно оценивали подобную меру: представители русской профессуры разделились по отношению к ней, и нельзя сказать, что большинство из них были склонны ее поддерживать. Совокупность данных факторов, а также сопровождающий контекст, в том числе профессорско-студенческих взаимоотношений, дают нам право смотреть на гонорар как на «зеркало», в котором «отображались многие аспекты “университетского вопроса”» [6. С. 144].

В Национальном музее Республики Татарстан сохранился черновик записей обсуждения гонорара еще как возможного дополнения к Уставу 1863 г. Они написаны рукой будущего строителя Томского университета и первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа, а тогда члена ученого комитета Министерства народного просвещения В.М. Флоринского. Состоялось это обсуждение в 1875 г. Мы видим, что ученые со всей России, среди которых были М.Н. Богданов, А.М. Зайцев, Ф.А. Бунге и др., единодушно скептически смотрели на перспективы реализации гонорарной системы в отечественных университетах. Причины тому виделись как универсальные, так и ситуативные, связанные со спецификой российской высшей школы. Среди первых опасения вызывали возможные раздоры, которые неравномерное распределение гонораров не могло не внести в профессорскую среду; в числе последних прежде всего то, что, как выразился профессор Харьковского университета А.С. Питра, «между студентами бедность поразительная, да и само наше общество очень бедно» [7. Л. 1].

В 1896 г. на страницах газеты «Томский листок» (в дальнейшем – «Сибирская жизнь») была опубликована заметка о решении рейхстага Австро-Венгрии об отмене профессорского гонорара в университетах

империи. Указывалось, что целью отмены было «уравнение содержания профессоров в различных университетах». Со ссылкой на «Русские ведомости» подчеркивалась необходимость этого и для русских вузов, которые «имеют много общего с университетами Австрии и которые, по отношению к вознаграждению профессоров, страдают такою же “жестокою несправедливостью”». «Нынешняя австрийская система, – отмечалось в заметке, – заимствована из Германии, но там отрицательная ее сторона умеряется своеобразными местными условиями университетского преподавания, свободой перехода профессоров из одного университета в другой, а также свободным для учащихся выбором преподавателей» [8. 1896. 2 нояб.].

Едва ли, впрочем, слова об уместности гонорарной системы в Германской империи заслуживают доверия. Возвращаясь к вышеозначенному обсуждению, заметим, что многие его участники поставили под сомнение подобный взгляд. Так, профессор Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетов сказал: «И в Германии ныне многие профессора не одобряют гонорарной системы». Солидарен с ним был профессор Харьковского университета В.Ф. Грубе, особо подчеркнув, что гонорар сеет раздоры между профессорами и студентами и что введение его обернется «пустой, если не сказать безнравственной, комедией».

Тем не менее «безнравственная комедия» была принята к постановке, и действиям ее предстояло разворачиваться на фоне своеобразных декораций заката великой империи. Противоречия академической сферы рекурсивно отражали проблемы страны и общества в целом, а запоздалая отмена гонорарной системы в 1916 г., по иронии истории, предшествовала Февральской революции. Студенты и профессора стали участниками этого представления, которое, конечно, не могло не наложить отпечаток на моральный контекст их взаимоотношений. В записях В.М. Флоринского зафиксированы воспоминания того же Грубе, который, по собственным словам, во время обучения в Дерптском университете, стесненный в средствах, порой обращался к профессорам, «чтобы они дали ему 5 рублей для внесения в правление как плату за лекции». Пророческими оказались слова В.Ф. Грубе о том, что «большинство профессоров одной рукой будут давать студентам свои деньги, чтобы эти же деньги получать обратно через правление» [7. Л. 1].

В воспоминаниях прошлого и предчувствиях будущего Грубе мы встречаем ссылку на неформальный аспект взаимоотношений профессоров со студентами. Неартикулированная, но ощущаемая вина перед учениками создала поле для инвестиций в репутационное строительство дореволюционного русского профессора и, отказывая себе подчас в дополнительных доходах, позволила им через благотворительность опереться прежде всего на нравственный базис. Полагая, что в этом пространстве академическое сообщество де-факто и априори являлось автономным, а потому недостижимым для государственной машины всеобщей подконтрольности.

Знаковой в данном контексте являлась инициатива В.М. Флоринского в первый год функционирования ИТУ – о пожертвовании всего фонда профессорских

гонораров, внесенных за первое полугодие, в пользу студентов. Сумма в 1 215 руб. от гонораров профессоров Н.А. Гезехуса, С.И. Залесского, А.С. Догеля, Н.М. Малиева, А.М. Зайцева, Э.А. Лемана и С.И. Коржинского была направлена под проценты капитала Дома общежития университета [9. С. 66]. Однако, как известно, подобный жест так и остался уникальным в истории [6. С. 153].

Все же профессорский благотворительный поток тем не исчерпался. В 1890 г. в фонде ИТУ общий капитал частных пожертвований университетских профессоров составлял 2 400 руб. [10. С. 59]. Организационным центром благотворительности в пользу нуждающегося студенчества стало Общество вспомоществования учащимся. Оно было создано в Томске в октябре 1873 г. по инициативе учителей томских гимназий и изначально предназначалось в основном для сбора средств воспитанникам сибирских гимназий и духовных семинарий с целью получения высшего образования в вузах Европейской России. В 1890 г. устав Общества был изменен, определив в качестве главной миссии оказание пособий учащимся Томского университета. Впрочем, и забота о гимназистах и семинаристах продолжала занимать членов Общества [8. 1894. 16 сент.]. Однако уже к концу века его направленность выяснилась более определенно. В 1899 г., в год празднования 25-летия, деятельность Общества концентрировалась «главным образом около студентов-томичей, а на долю студентов других университетов и воспитанников средних заведений» приходились «уже гораздо меньшие суммы». Особое внимание вызывали выпускники семинарий, который, как отмечалось в томской газете «Сибирский вестник», «в большинстве» располагали «самыми скудными средствами» [11. 1899. 22 сент.].

В 1907 г. неперемный член и секретарь Общества, экстраординарный профессор по кафедре офтальмологии ИТУ С.В. Лобанов заметил, что функция вспомоществования учащимся по факту заменена помощью исключительно недостаточным студентам [8. 1907. 21 сент.]. В 1912 г. среди членов общества начались обсуждения о необходимости изменить его название, «которое бы ясно указывало на характер деятельности общества, исключительной целью которого должна служить материальная помощь учащимся только в высших учебных заведениях». Дело в том, что к тому периоду общества, аккумулировавшие средства для помощи ученикам низших и средних учебных заведений, существовали во многих городах Сибири. Представители же томского Общества подчеркивали общесибирский характер своей деятельности, ведь студенты, в том числе недостаточные, съезжались для поступления в Томский университет, а с 1900 г. – в Томский технологический институт (ТТИ), со всего обширного региона [12. 1912. 3 апр.]. Подобное переименование, по замыслу авторов, должно было увеличить приток пожертвований, острый дефицит которых ощущался на всем протяжении существования Общества.

Денежный фонд Общества пополнялся членскими взносами (5 руб. в год), частными пожертвованиями, доходами от сборов с публичных лекций томских

профессоров, товарищеских ужинов, концертов, спектаклей, лотерей. Отмечалось, что основную прибыль составляли сборы от студенческих вечеров, особенно от организовывавшегося почти ежегодно 22 октября, в день традиционного актового праздника ИТУ, в здании общественного собрания [8. 1903. 28 авг.]. Следует заметить, что Общество выдавало нуждающимся студентам не безвозвратные пособия и ссуды. Все средства следовало возмещать по окончании обучения и, соответственно, направлять в пользу будущих студентов. Реальность все-таки подчас оказывалась иной. С.В. Лобанов писал: «К сожалению, должники Общества далеко не все (ох, как далеко!) помнят свои обязательства по отношению к Обществу даже после многократных напоминаний: многие или упорно не отвечают, или просят отсрочки... Если бы должники более аккуратно возвращали свои ссуды, Общество свободно могло бы удовлетворять почти всех, обращающихся к нему; ведь в долгу у Общества сотни лиц...» [Там же. 1907. 21 сент.]. Одно время при Обществе даже действовала долговая комиссия. Список должников вывешивался в университете, по городам страны рассылались запросы для определения их места жительства. В 1907 г. собрание Общества постановило предъявлять к «упорствующим должникам» судебные иски с «пропечатанием их фамилий в газетах по месту жительства» [13. С. 10]. С 1910 г. деятельность по возврату долгов усилилась. Несмотря на это, сумма поступлений от должников в 1911 г. уменьшилась почти на 1 000 руб. [12. 1912. 3 апр.].

Между тем ситуация повседневности томского студенчества нередко требовала постороннего участия. С одной стороны, Общество вспомоществования учащимся собирало значительные средства. За период с 1894 по 1903 г., когда его председателем был профессор ИТУ Е.С. Образцов, в кассу поступило более 70 тыс. руб. Свою лепту в это дело внесла и жена профессора Надежда Ивановна, которой за счет организации лотереи-аллегри удалось пополнить фонд на 16 351 руб. [8. 1903. 14 окт.]. Многие профессора не ограничивались формальным участием в обществе и базовой уплатой взносов. Для поощрения этой практики в 1899 г. было предложено присваивать звание почетных членов тем из них, кто вносил более крупные суммы или же своим именем привлекал средства со стороны. Одним из последних был профессор П.В. Буржинский: на его имя в 1897 г. через Я. Кокоулина с приисков было даровано 750 руб. [11. 1897. 31 янв.]. Внесшим по 100 руб. присваивалось звание пожизненного члена, как, например, профессору М.Г. Курлову в 1898 г. [Там же. 1898. 23 сент.]. Всего в 1898 г. в Обществе состояло 26 почетных членов и 134 действительных [Там же. 1899. 22 сент.], в 1904, соответственно, 24 и 31, в 1905 – 24 и 10 (в том числе 4 пожизненных) [13. С. 1, 5].

В 1902 г. Курлов и Буржинский, наряду с целым рядом профессоров университета (И.Н. Грамматикати, А.И. Судаков, С.М. Тимашев и др.), выступили жертвователями в пользу капитала им. профессора В.А. Манассеина для студенческих стипендий при ИТУ [8. 1902. 15 янв.]. Еще в 1891 г. профессора ИТУ

сделали вклады в пользу строительства здания для дешевой столовой (ул. Черепичная, 5) [11. 1891. 31 марта]. В дальнейшем пожертвования направлялись уже непосредственно на бесплатные (для самых бедных студентов) или недорогие обеды в ней. Характерно, что в феврале 1917 г. был поставлен вопрос о передаче столовой в управление студентов [8. 1917. 26 февр.].

В 1897 г. по инициативе того же Е.С. Образцова начался сбор средств на строительство второго Дома общежития для недостаточных студентов [11. 1899. 22 сент.]. Оно было открыто в 1903 г. В газете «Сибирская жизнь» отмечалось, что желающих поступить на полный пансион (т.е. со столом) оказалось мало. Комната без стола обходилась студентам в 9 руб. в месяц [8. 1903. 26 сент.].

По сообщению ректора ИТУ профессора А.И. Судакова, в 1901 г. обучающимся в университете было выдано стипендий на общую сумму более чем 25 тыс. руб., освобожден от уплаты в оба полугодия 171 человек. Дополнительно за этот год студенты получили ряд пособий, всего на 7 762 руб., в том числе от Общества вспомоществования учащимся (5 757 руб.) [Там же. 1902. 25 окт.]. Кроме того, своеобразной льготой было само предоставляемое право жить в Доме общежития ИТУ, условия которого заметно отличались от частных квартир города. Е.С. Образцов принимал студентов-просителей, в том числе у себя на дому [Там же. 1903. 27 авг.]. Там же он собирал и пожертвования от «общества города Томска». Предметом гордости председателя было то, что за 9 лет его работы в этом качестве «не было ни одного случая исключения студентов за невзнос платы» [Там же. 1907. 19 дек.].

Вместе с тем была и обратная сторона благотворительного процесса. Число нуждающихся студентов ИТУ в рассматриваемый период было довольно большим. Если в 1889/90 учебном году необеспеченных учащихся университета насчитывалось 68, 43% от общего количества, то уже в 1890/91 – 75,19%, в 1891/92 – 77,27%, в 1892/93 – 81,02% [8. 1903. 16 сент.]. К 1898 г. соотношение изменилось: 68,25% состоятельных против 31,75% несостоятельных [11. 1898. 23 сент.]. Положительный баланс грозило нарушить скорое открытие Томского технологического института. Позднее, однако, студенческая полевая перепись выявила, что в 1907/08 учебном году в целом по Томску наблюдалось более 30% необеспеченных студентов, что, впрочем, не снимало с повестки острой проблемы необходимости участия в их жизни [14].

Стипендий и пособий, выдаваемых недостаточным студентам, нередко не хватало. Это вынуждало прибегать к дополнительным заработкам, прежде всего частным урокам. Но и здесь нуждающихся ждала ловушка. В «Томском справочном листке» за 1894 г. мы читаем: «Результатом большой конкуренции бедствующих студентов является крайнее понижение заработной платы. Урок с 15-рублевым ежемессячным вознаграждением представляет в Томске редкое исключение, удел весьма немногих. Обыкновенная же, чаще всего встречающаяся, плата 8–10 руб-

лей в месяц за ежедневные занятия не менее двух часов». В 1898 г. встал вопрос об организации при Обществе вспомоществования учащимся бюро труда для смягчения условий работы обучающихся. Совмещая заработки с занятиями, многие студенты, таким образом, почти лишались свободного времени, к тому же обрекая себя на различные бытовые неудобства и жизнь впроголодь. К этому необходимо добавить, что над многими из них продолжал висеть дамоклов меч исключения из вуза. Безусловно, Правление иногда шло на уступки, продлевая сроки взноса платы за слушание лекций (пресловутых гонораров). Обществу вспомоществования же в таких случаях приходилось работать в экстремальном режиме, делая ставку, к примеру, на ту же лотерею-аллегри. В «Сибирском вестнике» от 8 ноября 1898 г. мы читаем: «...20 числа кончается срок для взноса платы студентов-юристов, бедняков, из числа которых, в случае не взноса платы, постигнет та же участь. Поэтому, ввиду отсутствия средств у Общества вспомоществования учащимся и массы ищущих помощи от него, от души желаем полнейшего успеха сегодняшней лотереи названного общества». Билеты в тот месяц раскупались плохо. Газеты неустанно продолжали рекламировать лотерею. Для привлечения участников ее посетил губернатор. К 13 ноября 1 200 билетов все еще оставались непроданными. Осенью того года казначеем Общества вспомоществования из 2 341 руб. почти все деньги были внесены в правление «за право слушания лекций». Только 152 руб. были выданы студентам на личные нужды [11. 1898. 7 дек.]. Подобное повторялось и впредь. В ноябре 1902 г. Общество не смогло удовлетворить просителей полностью: многим из них приходилось изыскивать собственные средства для оплаты гонорара. «Вся надежда на томское общество и частных лиц», – отмечалось в газете [8. 1902. 9 нояб.].

Усилились позднее и внутренние проблемы Общества вспомоществования. Так, в 1907 г. из 200 членов на годовичное собрание явилось лишь 28 человек, а общий сбор от членских взносов ограничился 162 руб. [Там же. 1907. 17 апр.]. В сентябре того же года было сообщено, что Общество будет выдавать средства для платы за слушание лекций «лишь в ограниченных размерах и небольшому числу лиц» [Там же. 21 сент.]. В столовой общества было лимитировано число дешевых обедов, объявлен сбор пожертвований продуктами. Профессор С.В. Лобанов взывал со страниц газеты: «Надеемся, что люди, чуткие к чужой нужде вообще и студенческой в частности, люди, имеющие каждый день свой сытый и вкусный обед, отзовутся на наше предложение и тем дадут возможность беднейшим студентам пользоваться хоть временно бесплатным обедом, не обрекая их на полуголодное существование! “Хлеб наш насущный даждь нам днесь!”. Нужда студентов в бесплатных обедах в этом году будет, по-видимому, велика, судя по тем заявлениям, которые уже начали поступать» [Там же].

Механизмы вины в коллективном сознании профессоров Императорского Томского университета, таким образом, затрагивают поляризованную повседневность дореволюционного российского общества.

Полагаем, что столкновение с крайней нуждой студентов со стороны профессуры, представители которой, бесспорно, были элитарной частью общества, ложилось бременем на психологию ментора, который, как мы ранее убедились, нередко и сам, по воспоминаниям своей молодости, знал «цену» материальной нужды. Неудивительно, что не всякий принимал это бремя. Так, в 1904 г. профессор ИТУ И.Н. Грамматикати отказался от предложенной ему должности председателя Общества вспомоществования учащимся г. Томска [8. 1904. 23 нояб.]. В 1907 г. после избрания 14 октября «председательницей совета» последовал отказ Е.И. Обручевой (жена В.А. Обручева) [13. С. 8]. Погружение в бездну, уклониться от которого было трудно в этой роли, так или иначе, задавало особый тон взаимоотношений между профессорами и студентами, накладывая на них отпечаток невыраженного долга и невысказанного взывания.

21 марта 1910 г. в переполненном зале Томского общественного собрания праздновался 25-летний юбилей деятельности профессора ИТУ В.В. Сапожников, также не забывавшего про свой «долг» (одно время состоял помощником председателя Общества вспомоществования). С.В. Лобанов тогда пожелал юбиляру: «Чтобы Вы, поднимающийся на горы и выси ледников, не забывали спускаться и туда – в глубокие низины студенческой нужды, не отказывались заглядывать в темные уголки царящей там беспросветной нужды, чтобы вы по-прежнему не отказывались культивировать тот способ помощи студентам, который Вы первый начали культивировать». Студенты ИТУ, ТТИ и вольнослушательницы Сибирских высших женских курсов, в открытии которых Сапожников принял участие, в тот день выражали свою благодарность перед не только талантливым ученым и учителем, но и человеком, на чью «помощь и содействие» всегда можно было рассчитывать. Председатель томского отделения Общества распространения просвещения среди евреев Бейлин сказал о «правом деле ученого, который вносит созидание не только в науку, но и в человеческое благо среди народов» [8. 1910. 24 марта].

Разумеется, благотворительность в пользу студенчества на протяжении всего рассматриваемого периода была делом сугубо добровольным. Главными регуляторами здесь выступили моральные установки внутри сообщества, которые, что нам еще предстоит затронуть, были противопоставлены иной этике – официальной. Отсюда вытекает немаловажная деталь в рассматриваемом нами коллективном портрете: именно особенности взаимоотношений со студенчеством, прежде всего связанные с благотворительностью, приоритизировали институт репутационного капитала. Даже при наличии снисходительного отношения администрации, карьера профессора могла быть разрушена при игнорировании этого приоритета.

Мы видим, что данная линия нередко высвечивается в дореволюционном академическом социуме. 13 декабря 1907 г. состоялось прощание студентов с Е.С. Образцовым, вышедшим в отставку за выслугой лет. В своем обращении профессор отметил, что «не считал себя вправе ограничиться выполнением офи-

циального долга по отношению к своим ученикам, но старался быть им полезным и за пределами клинического преподавания» [8. 1907. 19 дек.]. Ранее, летом 1902 г., на состоявшемся семейном торжестве по случаю 25-летия деятельности Е.С. Образцова студенты пожелали юбиляру и далее служить «на пользу родного университета» и «быть таким же защитником интересов юношества» [Там же. 1902. 2 июля].

В 1908 г. в отставку ушел и П.В. Буржинский. В своей прощальной лекции, состоявшейся 4 апреля в большой аудитории старого анатомического корпуса ИТУ, профессор подчеркнул ту «духовную связь, которая в течение многих лет существовала между ним и аудиториями». Под приветственным адресом подписались несколько сотен студентов университета [Там же. 1908. 6 апр.]. О «гуманном и внимательном» отношении ученого к студентам и помощникам было сказано и 16 апреля, во время прощального ужина в Европейской гостинице Томска [Там же. 22 апр.].

Одним из маркеров внеофициального «узнавания» между профессорами и студентами, доверие которых выстраивалось порой за рамками чисто академической жизни, стали неформальные отношения за пределами университета. Профессор Томского университета И.А. Малиновский, который неоднократно выступал с публичными лекциями в пользу нуждающихся студентов, делал частные пожертвования, а также некоторое время был председателем Общества вспомоществования учащимся, вспоминал о том, как принимал у себя дома студентов. Мемуарист зафиксировал факты из жизни некоторых из них (Г.М. Колоножникова, П.Ф. Бычковского, И.И. Кузнецова и др.), что прямо указывает нам на степень близости и неформальности этих отношений. Малиновский упоминал и о том, как после оправдательного приговора по уголовному делу, заведенному на него в 1911 г. в связи с опубликованной им работой «Кровавая месть и смертная казнь» (вскоре после этого оправдание будет отменено, а профессор приговорен к тюремному заключению на 1 месяц; в 1913 г. был амнистирован), ему прислали поздравительную телеграмму студенты 3-го курса. Характерной чертой званных вечеров в доме Малиновских также стало присутствие студентов. Иоанникий Алексеевич вспоминал: «Особенной популярностью пользовалась среди студентов наша “кутья” 24 декабря... В устройстве елки помогали студенты... Гостей было много, часть студентов пела хором» [15. С. 336].

Бедственное положение отдельных студентов, таким образом, не могло не становиться личной проблемой профессоров. Идентичность учащихся и учащихся на этом поле в тесном взаимопроникновении во многом определила поведенческие стратегии представителей томской профессуры. В 1901 г. во время обсуждения записки, составленной комиссией профессоров, в Томском университете вновь было высказано достаточно определенное отношение к системе гонораров. Профессор ИТУ И.Г. Табашников, отметив несоответствие ее «условиям наших студентов и профессоров», указал и на умаление прав студентов, которые не имели возможности самостоятельно выбирать курсы и, следовательно, отказаться от уплаты

гонорара конкретному профессору. «Никого нельзя заставить принудить платить за то, – подчеркивал Табашников, – что никакой платы не стоит или что платящему вовсе не нужно. Всякое принуждение в таком деле носило бы характер грубейшего насилия, не вызываемого никакой необходимостью. Между тем в силу действующего университетского устава ни один студент не вправе отказаться от такой платы, если установленным порядком и по узаконенным причинам не будет освобожден от нее правлением университета» [16. С. 16].

Несмотря на то, что, как уже было сказано, целевое пожертвование гонораров профессоров ИТУ в первое полугодие работы вуза было беспрецедентным, имели место менее масштабные, но примечательные решения. 13 апреля 1896 г. Совет Томского университета постановил «в память священного коронавания» Николая II учредить стипендию имени Императора, который, заметим, состоял почетным членом ИТУ. Капитал для стипендиального фонда решено было формировать из десятипроцентных отчислений от профессорских гонораров [17. С. 42–43]. Не обошлось, однако, без казусов. Отсутствовавший на заседании Совета экстраординарный профессор по кафедре общей химии Е.В. Вернер в ноябре того же года попросил у ректора во второе полугодие вычета с него не производить. Ректор А.И. Судаков отказал профессору, сославшись на то, что Государь Император «уже прислал благодарность за стипендию». Любопытна мотивировка Вернера, которого не минула этическое «бремя» профессуры: «В Томске так много благотворений и необходимо сознаться, что все они ложатся тяжелым бременем на профессоров, не занимающихся врачебной практикой в городе. Общество начального образования, физического развития, вспомоществования учащимся, балы и спектакли в пользу студентов, работные дома и друг. – все это не минует нас; а с жалованием экстраординарного, при страшной дороговизне и условиях жизни в Томске, едва сводим концы с концами» (цит. по: [18. С. 55]). Впрочем, не будем торопиться осуждать профессора. Сам он отметил, наряду с прочим, что в силу того, что 1-я аудитория, где проходили его лекции, не вмещала в себя всех студентов, вынужден был разделить курс на две группы и вместо 7 лекций прочитать 10 (без дополнительного гонорара). А в 1895 г. у Вернера на 6 часов лекций пришелся двухчасовой гонорар. Даже в таких случаях проблему приходилось решать в неофициальном ключе.

Расширим проблему неформальных связей профессоров и студентов и обратимся для этого к первым годам функционирования ИТУ. 21 декабря 1889 г. Правление университета в связи с отношением инспектора студентов А.С. Еленева рассмотрело поведение в «нетрезвом виде» студентов Серебренникова, Потоцкого, Полякова и Иванова. Заметим, что речь шла о поведении в театре, на частных квартирах, Доме общежития, т.е. вне учебного времени и аудиторий университета. Инспектор рекомендовал вынести «провинившимся» выговор, в том числе с внесением в Штрафную книгу. Профессор Н.М. Малиев тогда предложил отнестись «снисходительнее и ограни-

читься замечанием». Профессора С.И. Коржинский и А.С. Догель сочли поступки студентов «не настолько важными», чтобы «они могли быть предметом Правления». Дело, при протестах инспектора, решено было передать в ведение ректора, который сделает «выговор или замечание лично от себя» [19. Л. 36–38].

Все же 3 февраля следующего года «предметом» обсуждения Правления стало еще одно заявление Еленева: накануне студент 2-го семестра Святский, придя в общежитие и пререкаясь с педелем, «быстро пришел в состояние столь сильного раздражения, что дозволил себе бить его, не стесняясь даже присутствием помощника инспектора Серебренникова». Профессора Догель и Малиев, предположив, что поведение Святского могло быть спровоцировано педелем, не только сочли состояние опьянения смягчающим для студента обстоятельством, но и предложили ограничиться в качестве наказания заключением его в карцер. Более строгие меры могли, по их мнению, «озлобить студентов против служителей инспекции». Более того, Догель высказал сожаление, что «на должности служителей инспекции избираются лица не интеллигентные, а унтер-офицеры, которые, не желая того, могут по своей неразвитости вызывать раздражение студентов» [19. Л. 42].

Естественно, столь либеральный подход вскоре привлек внимание попечителя В.М. Флоринского, который своим решением одобрил предложение ректора В.Н. Великого и инспектора Еленева, удалив Святского из университета с правом поступления на тот же курс по истечении полугода. Описанные, а также ряд других случаев стали темой для обширной служебной записки Флоринского. Василий Маркович, среди прочего, счел несчастливым отсутствие ряда профессоров на отдельных заседаниях Правления. В частности, речь шла о заседании от 9 марта 1890 г., когда почетным членом университета был избран цесаревич и где, по мнению Флоринского, «отказались присутствовать» профессора Зайцев, Догель и Коржинский [20. Л. 10]. В отчете В.К. Анрепа, составленном на имя министра народного просвещения И.Д. Делянова, было высказано соображение, что непосещение профессорами заседаний было приурочено к тем случаям, когда впредь рассматривались дела по проступкам студентов. Возник вопрос и о «политической благонадежности» этих, как отмечалось в отчете (вероятно, со ссылкой на мнение Флоринского), «одних из наиболее талантливых» профессоров [21. Л. 262].

По прошению, в том числе в связи с описанными инцидентами, Догель и Коржинский были уволены из правления 26 июля 1890 г. (ранее, 8 октября 1889 г. из Правления был выведен и профессор С.И. Залесский). Формально причинами для немилости в глазах попечителя стали поблажки студентам при обсуждении мер взыскания за проступки, стремление искать популярность среди учащихся университета, влияние «на дух и направление студентов в нежелательном для университета направлении» [20. Л. 1 об.].

Устроитель Томского университета находил потенциально развращающую опасность для студентов равным образом как в политических ссыльных, жив-

ших в тот период в Томске, которые «сгруппировались при книжном магазине Макушина», так и в упомянутых «господах профессорах». Опасения В.М. Флоринского усиливали сообщения инспекции и местного жандармского управления, заметки из «Восточного обозрения» и «Сибирской газеты». В конечном итоге он поверил, что между профессорами Догелем, Залесским и Коржинским и «кружком Макушина» установились «близкие отношения».

В.М. Флоринский, бывший профессор Казанского университета, человек, который, как мы можем судить, ассоциировал себя с «университетской семьей», тем не менее, в рассматриваемой нами истории выступает как представитель русского чиновничества, а потому адвокат строгой субординации и философии предсказуемости в поведении студента и профессора. Так, он замечал относительно упомянутых профессоров, что «заведомое уклонение их от обсуждения подобных вопросов и чрезмерно снисходительное отношение их к проступкам студентов против нравственности и благопристойности несогласно с требованиями устава и инструкций и есть нарушение тремя членами правления своего служебного долга». Долг и обязанность действительно рисуют недвусмысленные эскизы, которым должны соответствовать как профессор, так и студент, а отклонение от «нормы» влечет за собой нежелательные и грозящие последствия «распущенность и самовластье». Данные обстоятельства отводят профессору В.М. Флоринскому особое, в некотором роде изолированное место на рассматриваемом нами портрете.

Близок ему по данной ролевой модели оказался и упомянутый уже А.И. Судаков. Во второй половине 1890-х гг. он присоединился к критике Правления, которое снисходительно назначило на стипендии студентов, не рекомендованных инспекцией [18. С. 29–31]. Профессор-гигиенист Судаков после отъезда В.М. Флоринского в Петербург в сентябре 1898 г. исполнял обязанности попечителя Западно-Сибирского учебного округа и равным образом отличался консервативностью. Во время конфликта профессора ИТУ М.А. Рейснера и студента-юриста Чадова в 1902–1903 гг. он, будучи ректором, выступил своеобразным арбитром и в заключение дал исчерпывающую характеристику деятельности первого. Вспомним, что речь шла об искажении содержания одной лекции профессора, прочитанной в университете (или, напротив, точном, но неуместном ее пересказе [22]). Тем не менее для Судакова предосудительной показалась сама структура имиджа популярного среди студентов профессора, деятельность которого «не может быть признана полезной», но «может быть признана безразличной». «Эта деятельность, – отмечал Судаков, – может быть названа только вредной, отвлекающей студентов от серьезной научной работы и побуждающей их относиться с неуважением и враждой к установленному в России законному порядку вещей». Прибегнул Судаков и к нравственным отсылкам: «С нравственной точки зрения деятельность профессора Рейснера по некоторым ее проявлениям должна быть признана несовместимой со служебным долгом и не согласной

с достоинством члена университетской корпорации» [23. Л. 93 об.].

Отсылку к «университетской корпорации», впрочем, можно оспорить. Ведь именно в этих цитатах для нас приоткрывается основа противоречия и единомыслия в пространстве университета. Судаков и Флоринский, члены «университетской семьи» вне этой семьи, апеллируют к установленному эталону, которому должен соответствовать профессор Императорского университета (за скобками мы оставляем эталон студента, что является отдельной темой). Эталон этот определяется законами, уставом, а также незримым духом «нерушимого порядка вещей». Именно к такому «идеальному» образу с благоговением должны были относиться молодые университетские неопиты. Так, по «Правилам для студентов», при встрече «со всеми прямыми начальниками и профессорами» необходимо было «прикладывать руку к козырьку», а во время лекций (которые, как мы помним, нельзя было выбрать, но нужно было оплачивать) «ни под каким предлогом и ни в каком виде» не допускалось «выражение неодобрения» и даже «одобрения» [24. С. 11]. Таким образом фундаментировались всеобщая предсказуемость и иллюзия спокойствия, за сохранность которых администратор, в отличие от профессоров и студентов, нес прямую ответственность. Нарекания в данном контексте вызывают лишь ссылки на неформальные корпоративные правила, использованные, в том числе, и Судаковым: жизнь в сообществе преимущественно определялась не официальными нормами (законов, правил, предписаний), а практиками уклонения от них. Так, говоря о ритуалах почтения, мы можем обратиться к Штрафной книге. В октябре 1894 г. один студент, не поклонившись, заметил инспектору: «Я раскланиваюсь только с тем, от кого могу видеть для себя полезность и кого уважаю» [25. С. 75]. Ранее, в 1893 г., другой обучающийся прямо заявил инспектору Пятницкому, что ему «не нравится», что тот «заставляет их раскланиваться с профессорами» и с ним самим, подчеркнув формальность этого правила. К.М. Гречищев вспоминал эпизод из своих студенческих лет в ИТУ, когда экзамен по богословию (курс читал профессор Д.Н. Беликов) почтил присутствием томский архиерей Макарий. Один студент, встретивший церковного служителя в коридоре главного корпуса, ответил на «вытянутую ему руку для благословения» рукопожатием. Не обошлось без разбирательства. Гречищев отмечал, что впредь Макарий на экзамен не являлся [26. С. 404–405].

Возникновение над-официальной этики в университетской среде вывело на первый план систему знаков и намеков, позволявших распознавать «своих». В 1896 г. профессор Вернер стал «героем» конфликта в ИТУ, ответив «оскорблением» студентам, стучавшимся в его аудиторию. Студенты тогда, вопреки всем писанным правилам, приняли решение не посещать лекции Вернера, пока тот не извинится перед курсом. В развитие конфликта ректор Судаков приложил все усилия, чтобы вернуть студентов к занятиям, невзирая на их требования. Небольшая часть обучающихся последовала его внушениям. Гречищев, участник тех событий, однако, вспоминал позднее:

«Нельзя не отметить тот факт, подтвержденный в дальнейшем из профессорских источников, что профессор Вернер читал свои лекции штрейкбрехерам очень неохотно, без опытов и даже с презрением. Это обстоятельство давало студентам подумать, что профессор Вернер уклонился от извинений перед студентами в силу только запрета со стороны ректора». Подтверждением этой позиции служит и то, что не оправдания опасения студентов, в конце концов вернувшихся к занятиям, относительно возможной во время экзаменов мести Вернера, который, как ожидалось, «не преминет свести счеты с забастовщиками» [26. С. 385]. В дальнейшем имя Вернера произносилось студентами с уважением и признательностью. В 1908 г. в составленном вскоре после смерти профессора учащимися университета некрологе Евгений Валерианович был описан как «телесная форма» «жреца, служащего одному богу – мысли». Ученики вспомнили о той же тесной химической аудитории, где «седой, как лунь», профессор, «внешним видом напоминающий средневекового алхимика», поража «глубиной и ясностью мысли». Студенты отмечали: «Была ли тут только химия? Нет! Это было разрушение и созидание мира... Это был гимн Разуму, – творчество, – жертва свободному духу исследования» [8. 1908. 1 марта].

Дискуссионным остается вопрос о влиянии политических взглядов на популярность среди студентов. Историк А.Е. Иванов отмечал, что профессора консервативно-монархических взглядов обречены были на нерасположенность студентов [1. С. 35]. Действительно, как вспоминал тот же Гречищев, М.А. Рейснер, начавший работу в Томском университете в 1899 г., несмотря на свое красноречие, «произвел странное впечатление». Его вступительная лекция была построена на вопросах религиозного исповедования, праве морали и религии. К тому же, отмечал Гречищев, во время лекции Рейснер «расшаркивался перед попечителем и профессором богословия», заставив о себе думать как о «махровом монархисте, заинтересованном в том, чтобы скорее уйти от скромного звания – исправляющий должность экстраординарного профессора» [26. С. 406]. Рейснер и сам в дальнейшем признал, что в томский период жизни изначально был охранителем, однако именно в этом сибирском городе он пережил политическую трансформацию. Популярность среди студентов он завоевал в период упомянутого конфликта, бросив вызов этике попечителей и министерства. Итогом стало его увольнение из университета с запретом преподавать в России. «Рейснер выехал на работу в Москву видным революционером», – писал Гречищев.

Вместе с тем Н. Зарницын (псевдоним бывшего студента ИТУ А.Н. Морачевского) вспоминал, что среди популярных профессоров был, например, М.Г. Курлов, который скорее придерживался консервативных взглядов [27. С. 423]. Гречищев признал, что И.Н. Грамматикати был отличным лектором и при этом «откровенный ретроград», «неизменный прихвостень губернатора и попечителя», «их советник по вопросам о режиме для студентов и репрессивных мер к ним» [26. С. 405].

И здесь можно предложить иную оптику, которая связана со всем вышесказанным и не ограничена исключительно политическим аспектом. Существование неформального этического фундамента в среде студенчества, которое, бесспорно, в массе своей скептически смотрело на «удушающий» режим тотального контроля, задавало набор правил и для профессора. Уклонение от них непременно влекло пресловутую непопулярность, а ситуация солидарности в самых разных смыслах (от благотворительности до открытой политической позиции) предлагала новый корпус жизненных и профессиональных нормативов. По всей вероятности, трудно было устоять перед искушением «тотального» взаимопонимания с главным участником университетского процесса – студентом. Это налагало ответственность на профессора. Зарницын вспоминал: «...за профессорской спиной стояла тесно спаянная единой волей и единым духом плотная, компактная масса молодежи, готовая в любой момент дать дружный отпор всяким посягательствам на свою личность и свои права, освященные старыми традициями» [27. С. 424]. Это же предоставляло возможность развивать данную модель в основном контактном пространстве университета – лекционных аудиториях.

Зарницын отмечал, что студенты не проявляли снисхождения к тем лекторам, которые «из года в год читали по одному и тому же конспекту, отмечая ногтем, где остановился и откуда начинать в следующий раз», «питались цитатами, то и дело выкрикивая имена ученых, на которых ссылались», искали «дешевой популярности». Любителей рассказывать анекдоты студентам, по словам мемуариста, без стеснения называли «орало-мучениками». «Конечно, – писал Зарницын, – ни в степени учености, ни, тем более, в нравственном отношении подобные профессора не имели и не могли иметь никакого влияния на студентов. Их третировали на каждом шагу и даже больше – ненавидели... Они аккуратно являлись на лекции, на экзамены, ставили студентам отметки, читали “свою ученую псалтырь” и покидали с чувством исполненного долга университет. Мы, студенты, не имели с ними никакого общения помимо официального и никогда не обращались к ним ни с чем более, как только с вопросами, касающимися учебной части» [12. 1913. 25 апр.].

Суду подвергалось все: А.И. Судаков с его провалами в памяти; Н.М. Малиев, сообщавший анекдоты «со смешной гримасой на лице»; М.Ф. Попов, лекции которого «было слушать бесполезно» в силу того, что читал их он «почти шепотом»; С.Г. Сабинин, «изводивший своих слушателей», «читая даже при одном человеке»; М.Н. Соболев, обходивший «самые животрепещущие вопросы»; П.А. Прокошев, любивший, чтобы «студенты за ним записывали». Даже за И.А. Малиновским студенты замечали «слабости»: вспоминали, что на него «магическое действие производило упоминание имени Владимирского-Буданова», «теории которого он рабски следовал» [27. С. 424]. И борец с гонорами профессор Табашников не избежал своего приговора. «Регулярно, через день, являлся он в аудиторию, – вспоминал Зарницын, – раскладывая листки и монотонно вычитывал “от сих и до

сих”». При первом звуке звонка профессор бросал на полуслове и убегал быстрыми шагами. Слушать такого ученого никто не хотел: под руками у каждого был такой же учебник, в котором совмещалась вся профессорская мудрость» [27. С. 423].

Традиционным атрибутом «подпольного» мира студенчества стали «клички» и нелюбимые сравнения. В.Н. Великого сравнивали с пономарем, М.Ф. Попова называли «шипящим», В.А. Юшкевича – «толстяком».

Не случайно, что теневая субкультура (не)почтения к профессуре получила столь широкое развитие. Принципиально заметить, что приоритет неформальной этики не означает прямое игнорирование правил и наставлений: речь, скорее, об уклонении и имитации, за который открывается «невидимая» повседневность. Пожалуй, наиболее последовательным был бы открытый «суд» над профессорами, предпочитавшими придерживаться системного этического кодекса и пользоваться априорным почтением, а точнее иллюзией этого почтения. Как известно, в революционный 1917 г. этому процессу будет дан ход. В более же ранний период участники академических игр концентрировали «подпольное разоблачение» лишь в отдельные моменты – в рамках ненормативной повседневности. Причем понятие «подполье» здесь порой принимало почти буквальный смысл.

Одним из наиболее ярких таких «моментов» был день упомянутого уже университетского акта (22 октября). После официальной части в Университетской Домовой церкви, которую, надо сказать, многие студенты предпочитали игнорировать, к вечеру профессора и учащиеся ИТУ собирались в общественном собрании. Символическая архитектура этого здания 22 октября становилась весьма определенной: наверху – концерт и благотворительный стол, внизу – то, что студенты тех лет называли «мертвецкой». Это большая комната, которую отводили специально для учащихся. Для пожелавших посетить это помещение профессоров студенты предлагали испытание: сказать «слово». «В зависимости от содержания сказанного им, – вспоминал Зарницын, – и симпатий к оратору, качали его или бесцеремонно, со свистом, выпроваживали. “Мертвецкой” профессора боялись и шли на “суд” своих учеников, как гимназисты на трудный экзамен. Иные лучше предпочитали не посещать совсем вечера, чем подвергнуться публичному осмеянию» [Там же. С. 426].

Впрочем, как вспоминал И.А. Малиновский, в эту комнату студенты приглашали лишь популярных профессоров. «Меня приглашали несколько раз, – пишет Малиновский. – Я говорил о том, что студенческая молодежь – надежда России, что наука – лучшее средство, при помощи которого человечество может создать для себя счастливую жизнь» [15. С. 333]. Профессор указывал, что среди приглашенных бывали Курлов, Салищев, Сапожников и др.

Стати, в процитированной выше записке Ф.М. Флоринского, со ссылкой на газету «Восточное обозрение», сказано, что «защитников слабостей и шалостей молодого поколения» (Залесского, Догеля, Коржинского) в первый студенческий акт (1889 г.)

студенты чувствовали «качанием руках» и произнесением им хвалебных речей [20. Л. 7 об.]. Видимо, в «слове» профессоров не прозвучало официального акцента.

Таким образом, мы можем признать, что без фактора взаимоотношений со студентами социально-психологический коллективный портрет профессоров Императорского Томского университета, равно и в целом дореволюционных русских вузов, без сомнения, будет неполным.

Настоящим исследованием мы концептуализировали проблемы академического мира дореволюционной России, главные участники которого в своих ролевых моделях оказались разделены между официальным и неформальным этическими началам.

Это создало ситуацию неустойчивой нормы, которая, с одной стороны, предлагала иллюзия порядка и предсказуемости, а с другой – делало основным полем взаимодействия профессора и студента пространство, контролируемое иной, андерграундной этикой. Она базировалась на вине профессора перед коллективным образом ученика (своеобразная разновидность вины интеллигенции перед народом); приоритете неформальных отношений, свободных от внешнего контроля (Министерства народного просвещения, попечителя, отчасти ректора), а потому разворачивавшихся прежде всего вне университета; наконец, на негласном договоре взаимной зависимости, защищавшей подчас от искушения силы и вседозволенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М. : Новый хронограф, 2010. 360 с.
2. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
3. Ищенко О.В. Профессора и преподаватели томских вузов в условиях противостояния власти и студенчества на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 149–151.
4. Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 499 с.
5. Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 67–73.
6. Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 144–163.
7. Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959-101.
8. Сибирская жизнь (с июля 1894 г. по май 1895 г. Томский справочный листок, с июня 1895 г. по октябрь 1897 г. Томский листок). Томск.
9. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие по его открытию (Извлечение из «Томских университетских известий» за 1888/9 год). Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1889. 71 с.
10. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1890 г. Томск : Типо-литография В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1891. 65 с.
11. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск.
12. Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. Томск.
13. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования учащимся за 1904–1908 гг. Томск : Типо-литография Сибирского т-ва печатного дела, 1909. 54 с.
14. Фалевич Я. Итоги томской студенческой половой переписи (Доклад, читанный 18 февраля 1910 г. на заседании Пироговского студенческого медицинского общества при Томском университете) // Сибирская врачебная газета (Томск). 1910. № 18.
15. Малиновский И.А. Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.
16. Особое мнение по поводу предстоящего преобразования русских университетов профессора Императорского Томского университета И.Г. Табашникова // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск : Типография Епархиального братства. С. 1–61.
17. Известия Императорского Томского университета. Томск : Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1897 [пагин. 16-я]. Кн. 12. С. 1–90.
18. Особое мнение ректора Императорского Томского университета орд. проф. А.И. Судакова // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск : Типография Епархиального братства. С. 1–131.
19. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 480.
20. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959 226-1.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 150 Д. 941.
22. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. М.А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов в сообществе Императорского Томского университета // *Vylye Gody*. 2018. Vol. 48, is. 2. P. 804–816.
23. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673.
24. Правила для студентов университета. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, б. г. 54 с.
25. Штрафная книга Императорского Томского университета. 1893–1900 // ГАТО. Ф. 102. Оп. 12. Д. 17. 231 с.
26. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.
27. Зарницын Н. Дни юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 421–427.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2019 г.

A Collective Portrait of Professors of the Imperial Tomsk University in the Mirror of Their Relationships with Students (Late 19th – Early 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 159–169.

DOI: 10.17223/15617793/446/20

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Alexey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: professors; students; collective portrait; history of everyday life; Imperial Tomsk University; ethics of relations.

In the research, the psychological aspects of the behavior of pre-revolutionary Russian professors that were connected with their relationships with students are examined based on archival materials, periodicals and sources of personal origin. The history of the Imperial Tomsk University, the establishment of which in 1878 marked the beginning of the first scientific and educational complex in Siberia, is studied. It is emphasized that one of the markers of the Tomsk professors' attitude to students was the honorarium system established by the General University Charter of 1884. Charity in favor of "insufficient students", whom Tomsk University had in large numbers throughout the pre-revolutionary period, became a kind of expression of the classical idea of "guilt to people" and a source of accumulation of professors' reputational capital. Conflicts within the university community, along with charity, disclose the informal ethical field, which, contrary to the official ethics, was crucial in shaping the professor's image in the eyes of students. Confrontation of professors S.I. Korzhinsky, A.S. Dogel, N.M. Maliev, A.M. Zaitsev, S.I. Zalessky with V.M. Florinsky, the first trustee of the West Siberian educational district, as well as Professor E.V. Werner's conflict with students and the context of its development, most clearly demonstrated the priority of informal grounds in the relationships between professors and students. It is noted, mainly from the memoirs of former students of Tomsk University, that one of the manifestations of informal ethics was the critical perception of personal and professional qualities of professors by students. A symbolic expression of this ethics was organized in the Tomsk Public Meeting building almost every year on the day of the University Assembly Holiday (October 22) in the form of a "mertvetskaya" ("mortuary"): it was a room in which professors invited by students made speeches, and speeches could result in both a standing ovation and a "booing". The study shows that relationships in the academic corporation were regulated not so much by official discourse (Charter, rules, power of the trustee and the inspector) as by underground rules during the period under review. Thus, the possibility to spoil the reputation in the eyes of students determined the professors' behavior no less than the administrative subordination, and the unwritten agreement of mutual dependence of the mentor and the student in the space of the university became an important factor in the formation of the reputational and behavioral styles of the pre-revolutionary Russian professor.

REFERENCES

- Ivanov, A.E. (2010) *Mir rossiyskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka* [The world of Russian students. Late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novyy khronograf.
- Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The University in the capital city of the Russian Empire: the intellectuals, society and power (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Ishchenko, O.V. (2009) The professors and the teachers of Tomsk University and Tomsk Technological Institute in the conditions of an opposition between the authorities and students at the end of XIX – beginning of XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 323. pp. 149–151. (In Russian).
- Ishchenko, O.V. (2010) *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' kak faktor obshchestvennogo dvizheniya i kul'turnoy zhizni Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Student youth as a factor in the social movement and cultural life of Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. Omsk: Omsk State University.
- Gribovskiy, M.V. (2017) "It is none of students' business to appoint teachers themselves": Conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 67–73. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/424/9
- Gribovskiy, M.V. (2018) Professorial honorarium as a mirror of the "university issue" in the late 19th – early 20th c. *Dialog so vremenem – Dialog with Time*. 62. pp. 144–163. (In Russian).
- National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-101. (In Russian).
- Sibirskaya zhizn'*. Tomsk (*Tomskiy spravochnyy listok* (July 1894 – May 1895), *Tomskiy listok* (June 1895 – October 1897)). Tomsk.
- Imperial Tomsk University. (1889) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za pervoe polugodie po ego otkrytii (Izvyechenie iz "Tomskikh universitetskikh izvestiy" za 1888/9 god)* [Report on the status of the Imperial University of Tomsk for the first six months since its opening (Extract from Tomskie universitetskie izvestiya for 1888/9)]. Tomsk: Tipolitografiya Mikhaylova i Makushina.
- Imperial Tomsk University. (1891) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1890 g.* [Report on the status of the Imperial University of Tomsk for 1890]. Tomsk: Tipolitografiya V.V. Mikhaylova i P.I. Makushina.
- Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. Tomsk.
- Utro Sibiri*. Tomsk.
- Tomsk Student Welfare Society. (1909) *Otchet o deyatelnosti Tomskogo obshchestva vspomoshchestvovaniya uchashchimsya za 1904–1908 gg.* [Report on the activities of the Tomsk Student Welfare Society for 1904–8]. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo t-va pechatnogo dela.
- Falevich, Ya. (1910) Itogi tomskoy studencheskoy polovoy perepisi (Doklad, chitannyy 18 fevralya 1910 g. na zasedanii Pirogovskogo studencheskogo meditsinskogo obshchestva pri Tomskom universitete) [Results of the Tomsk student sex census (Report read on February 18, 1910, at a meeting of the Pirogov Student Medical Society at Tomsk University)]. *Sibirskaya vrachebnaya gazeta* (Tomsk). 18.
- Malinovskiy, I.A. (2014) Marusya i deti [Marusya and children]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Tabashnikov, I.G. (1901) Osoboe mnenie po povodu predstoyashchego preobrazovaniya russkikh universitetov professora Imperatorskogo Tomskogo universiteta I.G. Tabashnikova [The dissenting opinion regarding the upcoming transformation of Russian universities of I.G. Tabashnikov]. In: *Mneniya chlenov Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta otnositel'no predlozheniykh g. ministrom narodnogo prosveshcheniya izmeneniy v deystviyushchiy Universitetskiy ustav 1884 g.* [Opinions of the members of the Council of the Imperial Tomsk University regarding the amendments proposed by the Minister of Education to the current University Charter of 1884]. Tomsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva.
- Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. (1897) 12. pp. 1–90.
- Sudakov, A.I. (1901) Osoboe mnenie rektora Imperatorskogo Tomskogo universiteta ord. prof. A.I. Sudakova [The dissenting opinion of the rector of the Imperial University of Tomsk, Prof. A.I. Sudakov]. In: *Mneniya chlenov Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta otnositel'no predlozheniykh g. ministrom narodnogo prosveshcheniya izmeneniy v deystviyushchiy Universitetskiy ustav 1884 g.* [Opinions of the members of the Council of the Imperial Tomsk University regarding the amendments proposed by the Minister of Education to the current University Charter of 1884]. Tomsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva.
- State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 1. File 480. (In Russian).
- National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959 226-1. (In Russian).
- Russian State Historical Archive. Fund 733. List 150 File 941. (In Russian).
- Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2018) M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye Gody*. 48 (2). pp. 804–816. (In Russian).
- State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 1673. (In Russian).

24. Imperial Tomsk University. (n.d.) *Pravila dlya studentov universiteta* [Rules for university students]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina.
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 12. File 17. *Shtrafnaya kniga Imperatorskogo Tomskogo universiteta. 1893–1900* [The penal book of the Imperial University of Tomsk. 1893–1900].
26. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students of Tomsk University (until 1900)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Zarnitsyn, N. (2014) Dni yunosti [Days of youth]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 14 July 2019